

«УТВЕРЖДАЮ»

Юров А.В., проректор
по научной работе
Балтийского федерального
университета им. И. Канта

« 24 » ноября 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
на диссертацию

Наталии Викторовны Суржиковой

«Военный плен в российской провинции (1914—1922 гг.)»,
представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 — Отечественная история

Тема, выбранная Н.В. Суржиковой для диссертационного исследования, представляет значительный интерес ввиду ряда обстоятельств. Объект — военный плен в российской провинции 1914—1922 гг. (на материалах Среднего Урала) — и ранее оказывался в фокусе внимания российских и зарубежных историков, однако комплексного исследования этой проблематики не доставало — одним учёным мешали дефицит или недоступность источников, другим — теоретико-методологические затруднения. Н.В. Суржикова предприняла попытку соединить «теорию» и «эмпирику» — на основе современных междисциплинарных подходов подвергнуть ревизии имеющийся источниковый материал, а также ввести в научный оборот максимально

возможное количество новых источников. Следует признать, что диссертанта отличает как профессионализм в работе с эмпирическим материалом (тщательный источниковедческий и историографический анализ), так и внимание к теоретико-методологическим аспектам исследования.

Предмет исследования Н.В. Суржикова определяет как «комплекс формальных и неформальных социальных практик, затронутых или порожденных российским пленом 1914—1922 гг. и проявлявшихся через многоакторные, многофакторные и многовекторные взаимодействия людей / групп людей, которые составляли относительно пленных принимающее сообщество» (с. 9). Реконструкция социальных практик, сопровождавших развитие российского плена 1914—1922 гг., и оценка места и роли этих практик в жизнедеятельности принимающего сообщества (с. 16) — цель, вполне адекватная современным требованиям к исследованию историко-антропологического характера, ориентированному на выявление социальных и культурных практик, на переопределение границ между узусом и казусом, между центром и периферией. Автор работы подробно обосновывает репрезентативность выбранного региона для того, чтобы обеспечить научно значимые выводы по истории российского общества в XX в.

Актуальность исследования, по мнению автора, в частности, обусловлена необходимостью смещения оптики с проблематики военнопленных к проблематике плена в целом, что позволяет проблематизировать понимание границ между фронтом и тылом. По мнению автора, изучение разных аспектов плена 1914—1922 гг. позволяет и уточнить представления о характере российского общества в этот переломный период его истории, и продвинуться к пониманию роли переменных факторов в развитии человеческих коллективов в целом.

Историографическая актуальность исследования обусловлена новаторским подходом Н.В. Суржиковой к материалу.

Новизна работы состоит не только в мобилизации широкого круга источников и в обстоятельном историографическом анализе, позволяющем приблизиться к непредвзятой оценке реального вклада советской историографии в исследование тематики плена в российской провинции в 1914—1922 гг. (Н.В. Суржикова даже говорит о «реабилитации» советской историографии плена, см. с. 9 автореферата). В первую очередь диссертант новаторски ставит проблему плена как «специфической модели практического взаимодействия исторических акторов» (с. 26). С этой целью автор реконструирует совокупность социальных практик плена, обращаясь к самым разным аспектам жизни военнопленных: экономический вес их труда изучается наряду с нюансами их бытовых взаимоотношений с властями и местными жителями, а гендерные и социальные идентичности — с широким диапазоном эмоций, окрашивавших повседневность плена в разные цвета. Н.В. Суржикова отталкивается от неадекватной, по её мнению, «лагерной модели плена», о которой обычно писали историки, и выстраивает альтернативную модель. Возможно, новаторский характер работы был бы ещё более очевиден, если бы диссертанту удалось представить упомянутую модель в её целостности, иначе с учётом многообразия практик до 1917 вопрос о том, уместно ли говорить об одной «специфической модели», неизбежно сохраняет актуальность. Внимательный читатель диссертации обнаружит, что исследуемая Н.В. Суржиковой совокупность практик далека от монохромной картины или от абстрактной схемы, где действуют безликие акторы. Повседневность плена характеризовалась многообразием противоречий: между пленными офицерами и рядовыми, между славянами и неславянами и т. д. Кроме того, стратегии власти, как убедительно доказывает автор, имели свою специфику в разных исторических

обстоятельствах (в начале войны и в конце старого порядка, при Временном правительстве, при большевиках и антибольшевистских правительствах).

К новизне исследования и его результатов можно отнести выработанную автором оригинальную методику анализа статистико-географических характеристик плена (автор признаёт несовершенство любой статистической модели вследствие дефицита источниковых ресурсов, поэтому, представляя предварительные результаты и констатируя ограниченность возможностей, даёт оценку исследовательским перспективам). В работе плен трактуется как специфический социально-экономический феномен, как пространство реализации различных стратегий власти и пересечения идентичностей, как показатель развития общественных систем прошлого столетия в целом.

По сравнению с существующими в российской науке работами настоящая диссертация опирается на глубокую теоретико-методологическую рефлексию исследователя, а по сравнению с зарубежными исследованиями работа Н.В. Суржиковой представляет детальный анализ богатого и, в ряде случаев, недоступного для зарубежных учёных материала.

Значимость для науки полученных автором диссертации результатов состоит в том, что они могут быть использованы в учебном процессе, при преподавании истории Первой мировой войны, российской позднеимперской и раннесоветской истории, истории международных отношений. Диссертация — заметный вклад в активизацию взаимодействия между исторической наукой и другими социальными и гуманитарными дисциплинами, потому что со всей очевидностью демонстрирует плодотворность междисциплинарного подхода к традиционным, казалось бы, объектам исторического исследования. Небесспорным представляется мнение соискателя о том, что проведённое

исследование будет способствовать также повышению качества социальной экспертизы в России — за счёт выявления роли социальных «переменных» и привходящих факторов в жизни российского общества. Такого эффекта можно было бы ожидать в случае, если бы комплексный анализ феномена «переменного» фактора в социуме был проведён на более широком материале в исторической ретроспективе.

В то же время сам подход диссертанта — тщательный анализ источников и литературы на разных языках, глубокая теоретическая рефлексия, критическое восприятие традиции, верность междисциплинарному подходу — отвечает лучшим традициям российской гуманитарной науки и, следовательно, неизбежно будет оценён по достоинству исследователями последующих поколений.

Обоснованность и достоверность научных положений и выводов в целом не вызывает сомнений. Использованные Н.В. Суржиковой материалы представляют собой значительный информационный массив, достаточный для достижения цели и исследования. Выявляя противоречия в интерпретациях сюжета плена в российской провинции, диссертант последовательно придерживается требований научности. Положения, вынесенные автором на защиту, обоснованы в тексте работы; научно-справочный аппарат (примечания и библиография) оформлен корректно.

Оценка содержания и оформления диссертации. Структура диссертации логична: работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. Во введении соискателем обоснована актуальность темы исследования, её научная и практическая значимость. Автор корректно формулирует цель и задачи исследования, характеризует его методологическую основу.

Первая глава «Практики историописания плена и источниковая база исследования» посвящена историографии вопроса (§1) и специфике источников (§2). Диссертант равным образом критично оценивает как

советскую и постсоветскую отечественную, так и зарубежную историографию. Такая «равноудалённость», стремление оценить достижения предшественников «по гамбургскому счёту» — несомненное достоинство работы. При этом Н.В. Суржикова далека от огульных обвинений в адрес историков предыдущих поколений и современных исследователей, непредвзято выявляя достоинства и давая оценку недостаткам в их работе. Она приходит к выводу, что советские историки при всех известных ограничениях идеологического характера смогли собрать и обобщить значительный фактический материал, определив во многом перспективы исследования. Современные российские историки, обращающиеся к тематике плена, зачастую некритично воспроизводят стереотипные представления и / или недостаточно подкрепляют свои выводы источниковым материалом: во всех подобных случаях Н.В. Суржикова вступает в полемику, раскрывая несостоятельность некоторых выводов предшественников (миф об особом отношении к военнопленным славянских национальностей, некорректные сопоставления российского плена и плена в Центральных державах, смешение тем плена и миграции и т. п.).

Западную историографию (в диссертации понятия «зарубежная историография» и «западная историография» не вполне точно употребляются как синонимы, ср. с. 465), представители которой обычно внимательны к методологии исследования, в то же время нередко отличает ориенталистский взгляд на российский опыт, и диссертант стремится критически переосмыслить выводы зарубежных историков (с. 82 и далее). Н.В. Суржикова подробно останавливается на так называемой «теории прототипа» и критикует исследователей, некорректно возводящих советский ГУЛаг и даже немецкие лагеря периода Второй мировой войны к трудовым лагерям в российском плену 1914—1922 гг. В итоге диссертант констатирует наличие «единого модуса» российской и зарубежной

историографии (с. 91), вследствие чего работа предстаёт как попытка проблематизировать этот консенсус.

Во втором параграфе первой главы дана характеристика источников и их специфики. Круг источников широк и репрезентативен — автором исследованы фонды многих центральных и региональных архивов, вследствие чего значительное количество источников впервые вводится в научный оборот. Обсуждая достоинства и недостатки существующих классификаций источников, Н.В. Суржикова даёт убедительный анализ как нормативных актов и делопроизводственных документов, так и источников личного происхождения и материалов центральной и региональной периодической печати. Значительный объём работы во многом обусловлен как раз многообразием источников, пространные цитаты из которых часто встречаются на страницах диссертации. Однако это обстоятельство отражает стремление диссертанта не только полно, насколько возможно, охватить картину плена в регионе Среднего Урала в 1914—1922 гг., но и дать голос самим субъектам социокультурных отношений в плену — военнопленным и их российским визави: привычное видение военнопленных лишь как объектов манипулятивных практик со стороны властей должно уступить место более внимательному всматриванию в сложное переплетение субъектности и объектности, проявлявшееся в разнообразных социальных и культурных практиках, в которые были вовлечены оказавшиеся в плену на чужбине люди. Н.В. Суржиковой удалось найти баланс между гуманистически окрашенным вниманием к судьбам конкретных людей в плену, с одной стороны, и бесстрастным статистическим подсчётом рабочей силы и регистрацией изменений в регламентации жизни военнопленных — с другой.

Глава 2 «Военный плен на Среднем Урале в 1914—1922 гг.: статистико-географические и структурно-качественные характеристики»

снабжает читателя оценкой динамики перемещений и численности военнопленных обсуждаемого периода (§1), а также характеризует социально-демографические статусы пленных (§2). Трезво отдавая себе отчёт в ограниченности наших возможностей понять во всей полноте характер идентичностей, проявлявшихся в повседневности плена, диссертант показывает, что любые обобщения в отношении идентичностей военнопленных чреваты упрощением. Даже гендерный состав военнопленных, как выясняется при внимательном изучении источников, далёк от очевидного — среди военнопленных встречались и женщины (с. 199—200). Н.В. Суржикова понимает, что выводы относительно идентичностей носят условный характер, потому что для полного раскрытия проблемы катастрофически не хватает источников личного происхождения.

В главе 3 «Экономика плена: потребление, производство, администрирование» соискатель осуществляет реконструкцию экономических аспектов плена в провинции: изучает проблемы распределения потребительских ресурсов (§1), оценивает плен в контексте системы производственных практик (§2) и исследует стратегии власти по обеспечению контроля, подчинения и управления в пространстве плена (§3). В последнем случае, кстати, сопоставление практик контроля, подчинения и управления представляется небесспорным с точки зрения логики: контроль и подчинение могут интерпретироваться как компоненты процесса управления. В этой главе Н.В. Суржикова со всей присущей ей тщательностью демонстрирует характер трудностей, с которыми столкнулись военнопленные: экономические затруднения, недостаток медицинского обеспечения, манипуляции с оплатой труда, перебои с питанием и одеждой. Важный вывод диссертанта состоит в констатации экономической неэффективности российского плена (с. 305), которая была обусловлена многими факторами.

В главе 4 «Плен как пространство политико-идеологических манипуляций и социальных трансформаций» исследователь анализирует практики конструирования и утилизации лояльностей пленных (§1) и социальные логики плена: инклюзию и эксклюзию (§2). При внимательном изучении источникового материала выявляются разнообразные противоречия и в стратегиях власти, и в интенциях российского общества, и в реакциях военнопленных. Показано, в частности, что невзгоды не способствовали консолидации военнопленных как единой группы, а, наоборот, усугубляли существовавшие дистанции (по социальному и / или национальному признаку). Изучение кейсов инклюзии военнопленных в сообщества россиян даёт основание Н.В. Суржиковой утверждать, что плен — это явление, выходящее за рамки рафинированной репрессии и предвосхищающее социальные практики следующего исторического этапа (показано, в частности, что плен сыграл роль в рождении новых социальных структур после 1917 г., с. 385). На основе изученного материала обоснованным представляется суждение автора о том, что дезадаптированные лица выступают в качестве источников инновационной деятельности (с. 385).

В главе 5 «Плен как проблема освобождения узников войны» исследованы освобождение как перспектива 1918 года («расчёты и просчеты большевиков», §1), освобождение пленных в практиках антибольшевистских правительств Востока России (§2) и завершающая стадия репатриации (§3). Континуитет между стратегиями царского режима и антибольшевистских правительств, общее и особенное в подходах царской власти, Временного правительства и большевиков к плену — эти важнейшие для понимания логики исторического процесса аспекты нашли освещение в диссертации.

В заключении на основании результатов, полученных в ходе исследования, подводятся итоги работы.

Диссертация Н.В. Суржиковой глубоко оригинальна и опирается на широкий круг источников и литературы. В то же время в диссертации, как в любом крупном научном исследовании, есть ряд поводов для дискуссии.

На наш взгляд, следовало во введении оговорить значение понятия «российский плен», которое применяется диссертантом по отношению ко всему периоду с 1914 по 1922 г. (с. 8 и далее). Формирование признанных в конечном счёте иностранными государствами советских органов власти на руинах российской государственности придаёт двусмысленность понятию «российский плен» применительно к 1918—1922 гг. При этом, разумеется, нужно принимать во внимание также правовую коллизию периода Гражданской войны, обусловленную непризнанием советской власти антибольшевистскими правительствами. Уместно ли с учётом всех этих обстоятельств говорить о «российском плене» как о целостном феномене?

Спорным представляется также используемый диссертантом термин «вражеские военнопленные» (с. 53, 171, 187 и т.п.) в силу его плеонастической природы, несмотря на то что это понятие военного времени в самом деле встречается в научной литературе.

Хронологические рамки работы подробно обоснованы во введении, где автор, активно полемизируя с оппонентами, настаивает на целесообразности ограничения исследования 1922 годом, потому что именно тогда практики «покинули историческую сцену», хотя сами пленные остались в Советской России (с. 14). Эти рассуждения вступают в некоторое противоречие с соображениями автора, высказанными по поводу изменений в практике репатриации в 1924—1925 гг. (с. 462): возможно, трудно вообще датировать каким-либо годом «прекращение практик», которые реализуются в массе как нормативных решений, так и актов повседневного поведения. Обоснование верхней границы нуждается в дополнительной аргументации.

Констатируя в конечном счёте, что плен стал «серьезным тестом на чувствительность едва ли не для всех членов общественного организма» (с. 466), Н.В. Суржикова признаёт, что такой вывод может показаться слишком общим и видит проблему в том, что «"аутентичных" определений современники практически не оставили» (с. 466). Возможно, однако, следует также признать, что в диссертационном исследовании не раскрыт достаточно потенциал компаративного анализа (за исключением критики «теории прототипа» и высказанного скепсиса в отношении продуктивности сопоставления российских практик с «немецкими зверствами» по отношению к военнопленным из стран Антанты). Между тем представленная Н.В. Суржиковой модель плена нуждается в «просвечивании» сквозь призму компаративного подхода: сопоставление плена в России с пленом в других странах (синхронный аспект) и с российским пленом других периодов (диахронный аспект) могло бы снабдить исследователя дополнительными аргументами в пользу генерализации выводов, касающихся конкретного регионального кейса. Понятно, однако, что выполнение такой задачи потребовало бы увеличить и без того значительный объём диссертации. Вместе с тем при обозначении перспективы в изучении темы плена было бы уместным прописать векторы дальнейших компаративных исследований.

В работе имеют место стилистические погрешности («практики творились», с. 7; «всякие попытки... априори обречены», с. 74; «места..., дислоцировавшиеся...», с. 173; «неопределённость... стала еще неопределённое», с. 463), встречаются немногочисленные опечатки. Явные неточности (например, «Общим местом для историографических изысканий последних десятилетий стало членение отечественного опыта изучения той или иной тематики на два этапа — советский и постсоветский», с. 30) также встречаются нечасто и не отражаются на корректности выводов исследования.

Разумеется, эти незначительные погрешности не умаляют главных достоинств диссертации.

Установлено *соответствие автореферата основным положениям диссертации*. В автореферате охарактеризована актуальность темы, сформулированы цель и задачи, описаны теоретическая и методологическая основы исследования, дана оценка степени изученности проблемы в мировой науке, приведены выносимые на защиту положения, определены теоретическая и практическая ценность работы, обоснована её структура, кратко изложено содержание всех параграфов диссертации. Основные результаты исследования отражены в 46 публикациях, в том числе в 22 статьях в ведущих рецензируемых журналах, определённых ВАК, а также в 2 монографиях (список публикаций представлен в автореферате).

Таким образом, диссертация Н.В. Суржиковой обладает всеми признаками научной новизны, содержит ценные выводы, выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, что соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» от 24.09.2013 г. №842, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени доктора наук. Автор диссертации Н.В. Суржикова заслуживает присуждения искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории БФУ им. И. Канта Виктором Владимировичем Сергеевым, доктором исторических наук, профессором кафедры истории БФУ им. И. Канта Геннадием Викторовичем Кретиным и кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории БФУ им. И. Канта Ильёй Олеговичем Дементьевым.

Отзыв рассмотрен и обсужден на заседании кафедры истории Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (протокол №3 от 24 ноября 2015 года). Присутствовало на заседании 15 человек. Результаты голосования: «за» — 15 чел., «против» — 0 чел., воздержалось 0 чел.

Заведующий кафедрой истории Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета им. И. Канта,
доктор исторических наук, профессор

В.В. Сергеев

(236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а;
(4012) 595 595 доб. 1910;
viktsergeev@yandex.ru)

